

Часть вторая

«НАША ГРУППА —
ЭТО ОДНА БОЛЬШАЯ
СЕМЬЯ»

ВЕРАСЫ

НА СЦЕНЕ «ВЕРАСЫ» — И В ЗАЛЕ ПРАЗДНИК

Он начинается сразу, с первой песни, потому что на сцене артисты, которые любят нас с вами — своих зрителей и слушателей. Непосредственная, артистичная в каждом жесте и всегда внутренне собранная Ядвига Поплавская. Импульсивный, беззащитно открытый и одновременно мужественный Александр Тиханович, обаятельная Ирина Цветкова, внешне сдержанный Василий Раинчик...

Эти две семейные пары — ядро ансамбля, единомышленники, люди, служащие музыке по призванию, отдающие ей себя целиком. Трое из них — мои ученики. Любимые ученики. Поэтому я иногда с грустью думаю о том, что эстрада отвлекает их от серьезной работы в серьезной музыке, на что я старался и стараюсь подвигнуть их талант. «Верасов» отличает не только высокий уровень музыкальной культуры, что закономерно и должно быть присуще любому профессиональному коллективу. Отличает их также не только свой стиль, своя манера исполнения, без чего, разумеется, не было основания говорить об этом ансамбле как о заметном явлении в советской эстраде. «Верасов» отличает прежде всего отношение к музыке, как к чуду, высшему проявлению человеческой духовности, а как следствие этого — особое, необычайно задушевное, проникновенное отношение к тем, кто с этим чудом соприкасается. Коллектив начисто лишен претенциозности, чужд рациональному расчету, ничуть не склонен к «звездным болезням». Именно в этом, мне кажется, секрет устойчивого успеха ансамбля, истоки неослабевающего интереса к нему, его заслуженной популярности. <...> «Верасы» — лучи-

стый, солнечный ансамбль, с ним радостно встречаться. Как с хорошими и добрыми друзьями. Такие встречи — не придуманный, а настоящий праздник. <...>

Евгений Глебов
(«Музыка для всех», 1985)

МУЗЫКА ИХ СВЯЗАЛА. СЕКРЕТЫ СЧАСТЬЯ ВАСИЛИЯ РАИНЧИКА И ИРИНЫ ЦВЕТКОВОЙ

Рассказать о своей семье народный артист Беларуси согласился легко, правда, с оговоркой: «Моя жена вам все расскажет». И предоставил жене полное право поведать семейную историю...

Досье

Василий Раинчик — художественный руководитель Молодежного театра эстрады. Написал более 100 песен, концерт для фортепиано с оркестром, кантату «Мальчиш-Кибальчиш» для детского хора, солистов и

симфонического оркестра, симфонические вариации, балет «Крылья над Россией», множество камерно-инструментальных произведений, а также аранжировок, оркестровок, обработок, переложений народной, эстрадной, инструментальной и электронной музыки. Под его бессменным руководством легендарный ансамбль «Верасы» снискал в свое время всесоюзную популярность.

Жена Ирина — первый слушатель и критик произведений композитора. Более 30 лет их объединяет работа. С 1982 года Ирина Михайловна пела и играла на синтезаторе в «Верасах», а сейчас работает с мужем в театре: ведет архив коллектива.

— Мы учились вместе в консерватории, — рассказывает Ирина Михайловна. — Первый раз я увидела Васю на сцене: он и Игорь Паливода играли на двух роялях. Этот дуэт меня сразил! Помню, вглядывалась еще: что за вторая голова над роялем рядом с Паливодой? И уже потом, встречаясь в консерватории, не могла пройти мимо Васи. Покорил меня его талант. Однажды стою в вестибюле, смотрю: сидит в расстегнутом пальто, без шарфа. И что-то у меня в голове щелкнуло. Ни секунды не думая, говорю: «Вася, у меня есть дома шарфик, поехали — отдам тебе».

— Так запросто к консерваторской гордости — и о шарфике?!

— Во-первых, взглядами мы уже обменивались, а значит, почти познакомились. (Улыбается.) И, в конце концов, я ведь тоже себе цену знала. Я была хорошей пианисткой. Помню, профессор Михаил Аркадьевич Бергер, у которого училась по классу фортепиано, говорил о моей игре: «Вот у тебя — Шопен, а у Раинчика — нет».

Их роман «зазвучал» с той самой первой «ноты», когда будущий народный артист поехал за шарфиком. Долго сидел у девушки в тот вечер. И когда ее родители проявили настороженный интерес, она попросила друга сыграть.

— Одно произведение сыграл, второе, третье, — вспоминает Ирина Михайловна. — Мама с папой были изумлены! Вася мог любую сонату Бетховена сыграть по слуху. Талант... Поэтому я и прощаю ему все. И, выходя замуж, понимала: отныне не музыка, а он — главное для меня. Когда забеременела, мой преподаватель сказал: «Что ты наделала, деточка?» Он же возлагал на меня большие надежды. Но — как Бог дал. Я ничего намеренно не делала, никаких расчетов. Просто хотела быть с этим человеком. Судьба ведет.

— Такие жертвы...

— Да в чем же эти жертвы, если я сделала выбор, который меня саму грел? Я точно знаю, что шла своей дорогой. И продолжаю идти. И там, где нужно было остановиться, останавливалась, где обойти — обходила...

Василий и Ирина поженились еще во время учебы в консерватории. А вскоре в их доме вместе со звуками рояля раздавалось и детское лopotание: родился сын. Однако у молодого отца началась череда долгих гастролей со своим «вторым ребенком» — ансамблем «Верасы».

— Его не было около девяти месяцев в году. И так почти 10 лет. Конечно, тяжело было одной воспитывать нашего Сережу, — вспоминает Ирина Михайловна.

— Такая «заочная» супружеская жизнь — испытание для семьи?

— Это как посмотреть. (Улыбается.) В первые годы брака, может, оно и к лучшему. Меньше общения — меньше недопонимания и острых углов. (Смеется.) Не видимся — и оба замечательные, оба скучаем. И эти романтические телефонные разговоры: «Когда ты приедешь? Я так соскучилась!» — «Ах, ты моя хорошая!»

Ирина Михайловна делится предположением о том, что каждой паре судьба готовит свой особенный путь, проводит через нужные им испытания, но и бросает вовремя спасательный круг. Главное — быть

внимательным к незримому руководству жизни.

— И верить в него, как бы ни было тяжело,— подчеркивает Ирина.— В любом случае, хочешь не хочешь, а свой путь надо «отработать». Вот многие считают, что у нас совершенно благополучная семья. На деле же столько подводных течений, столько всего! С любим человеком жить не просто, а уж с талантливым... Муж — абсолютно человек настроения! Если совсем не в духе — ни с какой стороны не подступишься.

Ирина Михайловна знает, когда горячность мужа нужно просто переждать, а когда — погасить: сменой темы разговора или хорошей шуткой, приглашением к столу...

— Вообще, он человек все-таки необычный. И надо понимать, что ему самому в своей необычности порой непросто. Талант — огромнейшая ответственность, и попробуй пронести его по жизни!

Терпение и созидание

Семейную жизнь Ирина Михайловна сравнивает с огранкой драгоценного камня.

— Представьте, что вы нашли свою любовь — алмаз, а потом долго-долго превращаете его в бриллиант. Чем больше граней — тем он ценней.

И она уверена, что именно женское терпение во многом строит семью. Конечно, и ему предел, но устанавливать его должна только любовь. Любовь долготерпима, однако это не слепое, а деятельное терпение, помогающее близкому стать лучше, а не питающее его эгоизм.

— Конечно же, не все так просто на деле, как красиво звучит на словах. Я повторяю: у нас столько взаимного непонимания бывало! Признаюсь, до развода чуть не дошло. Но я тогда поняла, что разведенные или нет — все равно мы будем жить вместе.

И, пожалуй, самое главное, по глубочайшему убеждению Ирины Михайловны,— это честно стараться понять друг друга. Всегда! Даже когда обиды переполняют. И прощать. Но, опять же, прощать так, чтобы человек задумался, пришел к какому-то пониманию. Пусть не сразу. Но зерно брошено, и наступит время — оно обязательно взойдет.

— Сейчас Вася чаще, чем в молодости, извиняется. Значит, тоже анализирует что-то в отношениях. И не раз говорил вскользь: «Да я и понимаю, что я не подарок». Проникнуться переживаниями другого — это у него еще как есть, но загвоздка в том, что он их просто иногда не замечает из-за того, что очень в себя погружен... Как это и присуще сильным творцам.

Правда, в критических для семьи ситуациях Василий Петрович всего себя отдает, чтобы ослабить «нерв» напряжения. Супруга вспоминает время, когда ей делали сложнейшую операцию. Благодаря мужу она встала на ноги.

— Вася все на себя взял. Да что говорить! Дома рядом сидел, плакал... Молитвы читал.

Вдохновить мужа

Родные композитора говорят, что жена для него как ангел-хранитель. Всю жизнь, каждый день ограждает его от всего ненужного и неприятного.

— В быту он вообще как ежик в тумане,— улыбается Ирина.— До сих пор выдаю ему по утрам одежду. А его обязанности ограничиваются заточкой ножей. А! Еще картошку почистит. Попрошу — так полную раковину начистит. Задумается о своем и сидит, строгаёт... (Смеется.)

В последние годы композитор дает передышку абсолютному музыкальному слуху, смещая нагрузку на руки: мастерит и строит на даче. На это его мудро вдохновляет жена.

— Говорю: «Вася! Посмотри, какая роза расцвела! Ее же надо защитить. Ты три палочки поставь и ленточку подвяжи». В результате в этом году так «оздоровили» дачу, столько всего отремонтировали! Причем он с удовольствием этим занимается. Главное — на пользу эти «вылазки» из мира музыки, а то ведь заиклен на нем! Отвлекается и, похоже, здоровьем заряжается. Как перезагрузка для компьютера.

Что красит женщину?

— Что такого было в той, 20-летней Ирине, что именно ее вы взяли в жены? — спрашиваю Василия Петровича.

Задумывается. Вдруг обращается к жене:

— Ира, ты же умная, расскажи сама.

— В одном из интервью вы сказали, что идеал женщины для вас — хороша собой, молчалива и ненавязчива.

— Все правильно.

— Ну да, он любит, когда я молчу, — смеется Ирина Михайловна.

— Я вообще много разговоров не люблю, — спокойно замечает Раинчик.

Все же направляю разговор в иное русло — к простым радостям жизни.

— Что радует? — задумывается Василий Петрович. — У нас так много было в жизни путешествий, концертов, успеха — столько всего, что сейчас хочется просто тишины. Хочется подумать, разобраться в чем-то.

— Василий Петрович, что особенно цените в жене?

— Пожалуй, то, что она меня терпит. А меня терпеть трудно... За это и благодарен.

Наталья Стасько
(АиФ. 2013. 13 февр.)

«ДУШЕВНЫЙ ПОКОЙ МОГУТ ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ ТОЛЬКО МУДРЕЦЫ»

По биографии Василия Раинчика можно изучать историю эстрады. «Верасы» уже были, когда о Пугачевой еще никто не слышал. А Василий Петрович со своим ВИА вовсю гастролировал по Сибири и Байкало-Амурской магистрали в совместном туре с прогрессивным американским певцом Динном Ридом... Не утратил творческого оптимизма и радости общения Раинчик до сих пор: по-прежнему с улыбкой и теплотой встречает молодых артистов, самым талантливым берется помогать, приглашает на работу в Молодежный театр эстрады, которым сейчас руководит...

1. Как бы вы сами представили себя читателям?

— Композитор. И этого достаточно.

— Скромничаете?

— А кто такой Моцарт?

— Композитор.

— Ну вот. И больше ничего не нужно.

2. О чем больше всего вы мечтали в детстве?

— Когда мне было четыре года, я хотел стать летчиком.

— Вы знаете, многие мужчины отвечают на этот вопрос именно так. С чем это может быть связано?

— Наверное, с желанием быть выше всех...

3. В каких человеческих слабостях вы не можете себе отказать?

— С удовольствием посидел бы с удочкой в руках, походил бы по лесу, понырял бы в море, полежал бы где-нибудь на берегу, ничего не делая и ни о чем не думая, просто глядя в небо... Раньше мы как-то чаще выби- рались на море. Несколько лет назад я вы- возил в Туапсе своих юных артистов — «Ве- расят» — в санаторий «Белая Русь». Они там отдыхали, выступали с концертами. Помню, однажды в пионерлагере «Орленок» целых три часа пели «вживую», имели большой успех. Сейчас с дальними гастролями ста- ло сложнее и, соответственно, с отдыхом на море тоже.

4. Чьим мнением дорожите больше всего в своей работе?

— Своим.

5. На что не жаль было бы потратить миллион?

— Будет миллион — придумаю. Пока не было повода размышлять над этим.

6. Интеллигентность. Что это такое в вашем понимании?

— Иногда мне кажется, это что-то гене- тическое, передающееся по наследству. А на самом деле это, наверное, общая культура человека, его образование, мораль, состоя- ние души, отношение к людям, совесть, если хотите, сострадание, умение понять чужую боль. В наше время интеллигентность — до- вольно дефицитное понятие. Наверное, в силу всеобщей суеты...

7. Что вам легче — подняться в шесть ча- сов утра или лечь спать в четыре?

— Все равно. Я вообще всю жизнь очень

мало сплю. И всегда очень рано встаю. Чи- стого сна у меня получается часа три-четыре, а бывает, что и два. Но это не значит, что я страдаю бессонницей или по ночам работаю. Часто просто лежу, думаю о чем-то — и всег- да с включенным радиоприемником. Просто я так привык, для меня это нормально... А может, это связано с тем, что в детстве в наш дом ударила молния?

— Вот об этом, пожалуйста, поподроб- нее.

— Мне тогда было лет десять, мы жили в Шклове, в частном доме. Была сильная гро- за. Мы с сестрой и мамой сидели в спальне на железной кровати возле печки-голландки (тогда у всех были такие высокие, обложен- ные белым кафелем печи). Вдруг раздался громкий хлопок и больше я ничего не пом- ню... Потом очнулся от того, что мама меня тормошила, плакала и просила: «Кричи, сы- нок, кричи!» Выяснилось, что после удара молнии все потеряли сознание. Первой оч- нулась мама и, увидев нас, лежащих без при- знаков жизни, стала кричать. От ее крика оч- нулась сестра, тоже стала кричать. Наверно, я очнулся от этого крика, но никак не мог понять, отчего они орут. Прибежали сосе- ди, вызвали «скорую помощь», а наши руки и ноги были ледяные и такие белые, что они испугались, положили нас на мокрую землю и даже стали присыпать землей, чтобы элек- тричество ушло в землю. Позже врачи сказа- ли, что нас надо было, наоборот, согреть... Полагаю, это была шаровая молния: перегорели все лампочки, утюг, счетчик, радиола, потрескался кафель, из печки выбило куски керамики. А еще у мамы на одной ноге разо- рвало босоножку. Так что можно считать, что чем-то я отмечен.

8. Всегда ли вы говорите все, что думаете?

— Нет, конечно. А хотелось бы. В моло- дости, когда не хватало ума, сдержанности, всегда говорил, что думал, за что и получал...

9. Оказало ли влияние на ваш характер созвездие, под которым вы родились?

— По гороскопу я Овен. И мне многие говорят, что типичный: «Рогами вперед и только вперед!»

— Алла Пугачева тоже Овен. Узнаете в ней родственную душу?

— Не приходило в голову сравнивать себя с Аллой Пугачевой. Но могу вспомнить моменты, когда случалось встречаться с ней еще в самом начале ее карьеры. Однажды с Сашей Тихановичем мы зашли к Славе Добрынину домой, а у него сидела Алла (тогда еще мало кому известная), ела сыр и чем-то была сильно расстроена. Когда мы поинтересовались, о чем она горюет, Алла сквозь слезы рассказала нам, что на фотографии в журнале «Кругозор» (где, кстати, была информация и об ансамбле «Верасы») ей «обрезали» ноги. А у Аллы были очень красивые ножки, и, конечно, их стоило бы показать... Ну а потом, когда к ней пришли слава и признание, когда она стала безусловным лидером на эстраде, вот тогда уже крепко досталось всем тем, кто когда-то стал причиной ее слез.

10. Кого вы предпочитаете держать в доме — кошку или собаку?

— Только кошек или котов. Никогда мы не держали в доме собаку. По-моему, существ, красивее кошачьих, в мире нет: по чувству собственного достоинства, изяществу и грации. Сейчас у нас в доме живет черный кот по кличке Шаттл, ему 17 лет, и характер у него очень независимый. Вот уж поистине кот, который гуляет сам по себе...

11. От чего вы устаете больше всего?

— Устаю от бестолковой суеты, когда вроде как делаешь что-то, делаешь, а на самом деле ничего не выходит. И самое обидное, что в этой суете в основном и проходит вся наша жизнь.

12. Есть ли в жизни вечная любовь?

— В литературе, конечно, есть — и это

всегда очень красиво описано. Но в жизни, как правило, вечной любви не бывает. А если и бывает, то, наверно, очень редко, у не совсем обычных людей. У тех, которые сами себе что-то придумывают и искренне верят в то, что они придумали.

13. Если вы любите путешествовать, то какому виду транспорта отдаете предпочтение?

— Наверное, я люблю путешествия. Но в свое время... Бывало, что «Верасы» гастролировали по девять месяцев в году, все время в пути, то поездом, то самолетом. Естественно, порядком надоело. Сейчас я хотел бы попутешествовать на плоту или еще на каком-нибудь экстравагантном сооружении, где сидишь себе под открытым небом...

14. Кто ваш самый близкий друг?

— Оставлю имя при себе. Но такой друг у меня есть.

15. Верите ли вы во внеземные цивилизации?

— Да, конечно, и, по-моему, один раз я наблюдал НЛО своими глазами. Причем достаточно долго. Это было на улице Казинца, у автозаправки. Мы ехали с Ликой на машине поздно вечером и увидели, что все люди на улице стоят и смотрят вверх. Мы остановились, вышли из машины и в небе увидели огни. Там неподвижно висел необычный объект. Может, это и была летающая тарелка или что-то подобное... Минут двадцать в небе это нечто висело, переливалось и меняло форму. Нам очень захотелось, чтобы еще кто-нибудь из наших друзей это увидел, а то ведь никто не поверит, и мы быстро поехали к нашему другу, поэту, который проживал недалеко. Но друга дома не оказалось, а когда мы вышли на улицу, в небе уже ничего не было. Но очень уж хочется верить, что есть параллельные цивилизации...

16. Ваш идеал женщины?

— Умна, молчалива, хороша собой и ненавязчива.

17. Как вы проводите свой отпуск?

— По-разному. Я могу отдыхать где угодно, было бы время. Но больше всего люблю отдыхать на море: во-первых, там всегда тепло и можно часами находиться в воде. И потом, я неплохо ныряю, могу нырнуть минут на пять, чем постоянно удивляю окружающих. Могу даже этим напугать: нырнуть на виду у всех, а выплыть где-нибудь подальше, вернуться незаметно по берегу назад и наблюдать, как начинается суета... Но я этого давно не делаю, после того как однажды очень испугался мой сын Сергей. Он действительно подумал, что папа утонул...

18. Чего нельзя прощать даже лучшим друзьям?

— Предательства, обмана, когда тебя используют.

— И если вы это почувствовали, сразу рвете отношения?

— Жизнь иногда заставляет быть терпимее и даже продолжать общаться и работать вместе с теми, кто тебя неоднократно подводил, поэтому рвать отношения сразу не стоит. Но если я вижу, что меня все время обманывают, то в конце концов выставляю барьеры.

19. Что такое, по-вашему, лень, а что — душевный покой?

— Во многом эти состояния похожи. Лежишь себе, ленишься, ни о чем не думаешь, и при этом на душе у тебя спокойно... Увы, только мудрые люди могут себе такое позволить. Те, которые пришли к внутреннему согласию, умиротворению. Мне, конечно, до этого далеко. В юности я чуть-чуть занимался йогой и, в принципе, несколько способов успокоения освоил. Мне хватает несколько минут для полного расслабления, но я тут же вспоминаю, сколько у меня забот и неразрешенных проблем, и все спокойствие улетучивается.

20. Если у вас свой огород или дачный участок, то какие овощи и фрукты нравится выращивать?

— Дача есть, но я бываю на ней редко. Наша семья никогда ничего не выращивала, и соседи по даче всегда считали нас самыми бестолковыми дачниками. Нас все время стыдили, даже подсмеивались над нами. Но самое интересное, что через несколько лет эти соседи сами начали бурчать: «Мы тоже хотим, как Раинчики, ничего не делать». А потом и вовсе так устали от усердной дачной работы, что продали свои дачи и уехали в городские квартиры. А мы — самые бестолковые дачники — остались. Правда, с новыми соседями... По-моему, сейчас уже всем ясно, что чрезмерное копание в земле на даче не приносит пользы здоровью. На даче нужно отдыхать.

21. Будь вы главой государства, что бы вы сделали в первую очередь?

— Не могу даже представить себя в этой роли. Сложный вопрос. Но совершенно искренне могу сказать, что очень уважаю руководство нашей страны.

22. А врагов вы себе успели нажить?

— Достаточно.

— Вы принципиальный?

— В чем-то да. Но не люблю отстаивать свою правоту, не люблю спорить. Мне в жизни очень повезло, что я дважды окончил консерваторию (как пианист и как композитор), меня учили лучшие мастера нашей страны. Поэтому я считаю, что имею право делать все, как считаю нужным, и здесь все не в принципах дело, а в профессионализме и в интуиции. Как правило, интуитивное решение, более правильное, чем решение, принятое путем логических рассуждений и расчетов. Но со мной, конечно, спорили, возникали разногласия. Шли годы, и в конце концов многие признавали, что в той или иной ситуации я был все-таки прав. Кстати, сейчас и наука доказывает, что все наши мысли и поступки в основном продиктованы интуицией.

23. *Кем бы вы стали, появившись возможность начать все сначала?*

— Наверное, все-таки не музыкантом. Я всегда хорошо учился, меня даже в школе сразу перевели во второй класс, а потом мама пришла и пересадила меня назад, в первый — до сих пор не понимаю зачем... Школу я окончил с серебряной медалью, занимался спортом, одно время был даже в сборной республики по прыжкам в воду. Может быть, занимался бы наукой. Творческая работа сильно изматывает. Всегда приходится работать на пределе эмоциональных возможностей. А ведь есть профессии, где не требуется такого нервного напряжения. Я всегда завидовал Дроздову, Кусто, Сенкевичу: они всю жизнь путешествовали, ничего не придумывали, просто познавали мир и удивлялись. Такая работа кажется мне интересной и комфортной... Конечно, грех жаловаться на жизнь: все, что можно было получить от моей профессии, у меня было. «Верасы» имели всесоюзный успех, в концертах мы «перепевали» многих. Публика принимала нас лучше любых самых знаменитых артистов. На свои концерты мы сами с трудом доставали билеты! Наши пластинки можно было купить только по знакомству: их разбирали за один день. А в Прибалтике, например, очередь за билетами на концерты «Верасов» занимали в 5 часов утра. В любом городе дать 20 концертов во Дворце спорта для «Верасов» было обычным делом. Хотите — верьте, хотите — нет, но я помню наши гастроли в Юрмале, когда публика требовала и вызывала на бис «Верасы», а не Райкина и Пугачеву, с которыми мы выступали в одном концерте.

Еще вспоминаю наш концерт в Москве на Олимпиаде. Он проходил в парке Горького, в белорусском павильоне. Народу собралось столько, что мы смогли спеть всего три песни и вынуждены были остановить концерт, так как началась давка, публика повалила

забор, стала напирать на наш павильон, но режиссер концерта сориентировался в ситуации и в микрофон крикнул, что концерт «Верасов» переносится на большое поле рядом. Все побежали туда, а нас быстро посадили в автобус и увезли.

24. *Чего вам лично больше всего недостает сегодня?*

— В жизни артиста очень много суеты, почти всегда недостает времени на творчество, но я надеюсь все-таки когда-нибудь заниматься только музыкой.

25. *Когда вы последний раз хохотали от души?*

— Не помню, когда конкретно и по какому поводу, но довольно часто совершенно безобидная ситуация вызывает у меня такой смех, что невозможно остановиться.

26. *При каких обстоятельствах вы познакомились с нашей газетой?*

— В «Советской Белоруссии» всегда доброжелательно анонсировали появление каждого из моих новых артистов. Вы давали моим протеже хороший карт-бланш, верили в их успех, и я очень признателен за это вашей газете. А ваш редактор и в «Знамени юности», и в «Народной газете», и в «Родине» очень много писал обо мне, «Верасах», и это всегда было интересно и оригинально.

27. *Как вы относитесь к наблюдению А. П. Чехова, что на свете нет ничего страшнее, чем провинциальная знаменитость?*

— Нормально отношусь. В каждой провинции, если по Шукшину, есть такие типажки местного значения. Но раньше их было больше. Все-таки телевизионный эфир нивелировал это понятие.

28. *Помните ли вы свое детское прозвище?*

— В детстве — Кот, Котенок (куда ж от имени Васька денешься?). А в юности, когда мы в консерватории с Игорем Паливодой организовали дуэт пианистов, нас почему-то называли «Паливодка и Гераинчик».

29. Не рискнете предсказать, какие перемены ожидают нашу страну через год?

— Думаю, что все будет нормально. Как сейчас. Уж очень хочется, чтобы жизнь осталась нормальной и спокойной. На эстраде же, я считаю, сегодня пробиться легче, чем во времена моей молодости. И если ты хорош, тебя заметят обязательно. Сейчас такое разнообразие музыкальных программ, проектов, конкурсов — только участвуй.

30. Где вы чаще всего встречаетесь с друзьями?

— Только дома. Никогда не встречаюсь в ресторанах или кафе. Возможно, сказывается то, что я с ранней юности много лет подряд работал в ресторанах пианистом. Лет с 14... А потом, дома все равно лучше. Недавно мне довелось ужинать в очень уважаемой компании в ресторане, где все блюда готовил настоящий французский повар. Но в конце концов все гости стали просить принести что-нибудь попроще, хотя бы простую яичницу.

31. В какой стране вам хотелось бы побывать и почему?

— Раньше хотелось побывать в Индии. И еще — на островах в океане. Это, наверное, юношеская романтика после чтения книг Хемингуэя.

32. Кстати, какие книги, по-вашему, надо прочесть всем?

— Мудрые люди говорят, что нужно читать Библию. Наверное, это правда. А я еще люблю читать фантастику. Брэдбери, например.

33. У кого конкретно и что именно вы спросили бы в первую очередь, будь у вас такая возможность — пообщаться с самыми интересными личностями нашего времени?

— Даже не знаю... Я всегда поражался, насколько неожиданно проявляют себя выдающиеся личности в дружеской компании. Помню, сидели мы однажды у моего учителя, народного артиста СССР, композитора

Евгения Глебова в обществе известнейшего в мире литератора (не буду называть фамилию). Сидели, значит, о чем-то мило беседовали, и вдруг этот умнейший, интеллигентнейший мэтр от литературы выдает: «Я так не люблю театр! Они там так кричат!..»

34. Вы хорошо знаете свою родословную?

— Очень плохо. И это наша общая беда, многие не знают своей родословной.

35. Самый счастливый день в вашей жизни?

— Не вспомню. Но, наверное, такой день был.

36. Есть ли у вас любимое занятие, помимо основного рода деятельности?

— У меня нет постоянного хобби, но могу увлечься чем угодно.

37. Что вы чувствуете в обществе молодых людей?

— Нормально себя чувствую. А вот в обществе ровесников мне неуютно.

38. Как часто и по какому поводу вы бываете недовольны собой?

— По-моему, все время. Да и не вижу я себя как-то с самодовольной миной на лице. Я на всю жизнь запомнил слова своего педагога по поводу того, чем профессионал отличается от дилетанта: «Дилетант может учить только то, что не получается, а профессионал умеет учить и то, что получается». Очень тонкое наблюдение, между прочим.

39. Рок-музыка, это надолго? По-вашему...

— Да, как и джаз, рок-музыка заняла свое достойное место в музыкальной культуре.

40. Ваше любимое блюдо?

— Конкретного блюда нет, но мне нравится белорусская и восточная кухня. Очень не люблю американскую еду. А вообще люблю, когда видно, что из чего приготовлено. Не нравится, когда все смешано настолько, что еда превращается в какой-то корм.

— *Танец?*

— Не представляю себя танцующим или вытанцовывающим всевозможные па.

— *Газета?*

— «СБ — Беларусь сегодня».

— *Музыкальное произведение?*

— В мире написано столько гениальной музыки, что определить любимое произведение невозможно. Восприятие музыки зависит от состояния. Но Моцарт нравится всегда.

— *Запах?*

— Раннего утра. Причем в любом месте. Лучше, конечно, в лесу или в поле.

— *Цвет?*

— Неба.

— *Время года?*

— Лето.

— *Погода?*

— Солнечная.

— *Цветы?*

— Полевые.

— *Праздник?*

— Сейчас — Пасха. В детстве, конечно, 1 Мая, когда весь город выходил на демонстрацию и родители были молодые. В студенческие годы нравился Новый год. А вообще сейчас все так запуталось, что ничего не понять. Но совершенно точно мне не нравятся «импортные» праздники, такие, как День Святого Валентина, Хэллоуин...

41. Можете назвать то место на Земле, которое вам всего милее?

— Любое лесное озеро в Беларуси.

42. Часто ли вам приходится одалживать у кого-то деньги?

— Практически нет.

43. Каково ваше отношение к конкурсам красоты?

— Красота — это дар Божий. Она либо есть, либо ее нет. И к конкурсам красоты отношение у меня самое нормальное. На первом таком белорусском конкурсе я был членом жюри. Там, кстати, впервые и увидел Анжелику Ялинскую. Но голосовал не за нее, между прочим, хотя потом Анжелика стала самой красивой и самой знаменитой артисткой ансамбля «Верасы».

— *Кстати, как вы смотрите на вокальные конкурсы?*

— Любые конкурсы — это хорошо. Но мне больше нравятся детские конкурсы. Они, на мой взгляд, интереснее, чем взрослые. Дети напрочь лишены комплексов, интриг, всегда красивы и непосредственны. Кстати, в этом году у нас очень хорошие детки будут в конкурсе на «Славянском базаре в Витебске». Это Ксения Ситник и Миша Лила. Оба участника — из Мозыря.

— *А Гюнешь и Полина, как считаете, какие у них шансы?*

— Полина Смолова и Гюнешь Абасова — очень хорошие и совершенно разные артистки. У них уже много побед на престижных конкурсах, большой опыт, и выступают они всегда очень надежно в профессиональном отношении. Сейчас обе работают в Молодежном театре эстрады. Между прочим, Полина в этом году закончила Белорусский университет культуры... Много будет зависеть от удачного стечения обстоятельств.

44. Верите ли вы в изречение: «Все, что ни делается, к лучшему»?

— Получается, что так. Сколько раз я сетовал, принимая очередной удар от жизни... Но проходило время, и я понимал, если бы не тот удар — вообще ничего не сложилось бы.

45. Как вы заботитесь о собственном здоровье?

— Как в основном и все, специально ничего не делаю. Хорошо, если получается вы-

спаться. Следующее правило — меньше есть. Хотелось бы еще добавить такое понятие, как активный отдых. Но не приучены мы отдыхать активно, культурно, играть, например, в гольф или теннис. Что в нас генетически заложено, так это баня. Вот это точно хорошо.

46. Летаете ли вы во сне?

— Да, постоянно. Мало того, мне иногда удается даже управлять этим состоянием: захотел полететь — и полетел. Причем вижу все в цвете.

47. Когда у вас плохое настроение, что вы делаете?

— Стараюсь остаться один. Дома меня понимают и, слава богу, позволяют побыть одному.

48. Вы часто пишете письма?

— Последнее написал маме в юности.

49. Верите ли вы в лучшее будущее наших детей?

— Да! По-моему, если суммировать все плюсы и минусы, наши дети уже сейчас живут лучше. Если вспомнить проблемы из прошлого: например, как трудно было выехать за границу с гастролями, нельзя было исполнять свои песни, нельзя было за границей зарабатывать деньги... За мою чрезмерную активность я даже одно время был «не-

выездным», так как в моей характеристике было написано: «Склонен к излишней предприимчивости».

50. Вопрос, который вы хотели бы задать себе сами. И ваш ответ.

— Ну что, Василий Петрович, еще не угомонился?

— Пока нет!

Виктория Попова

(«СБ. Беларусь сегодня». 2005. 8 июля)

«МОГУ СОЧИНЯТЬ МУЗЫКУ ЛЮБОЙ СЛОЖНОСТИ, НЕ ПОДХОДЯ К РОЯЛЮ»

Как Василий Раинчик играл джаз, почему заставлял «Малиновку» петь и для чего «Верасы» из Москвы большие деньги получали?

«Я человек не публичный, музыкант закулисный», — говорит о себе Василий Раинчик. И поясняет, что есть люди, которым Бог дал особый дар и талант — желание сиять звездой на сцене, но сам он, к счастью, от него свободен и, если силком не вытолкнуть, из-за кулис на публику лишний раз не выйдет. Похоже, что и о своем грядущем юбилее Василий Петрович предпочел бы не вспоминать, чтобы избежать полагающихся по этому случаю громких «датских» слов и шумных празднований. И все же... 7 марта Василию Раинчику, народному артисту Беларуси, художественному руководителю Государственного молодежного театра эстрады, известному композитору и блестящему музыканту, чье имя неразрывно связано с легендарным ансамблем «Верасы», исполняется 60. Накануне «Р» удалось-таки ненадолго вывести юбиляра из-за кулис.

— Василий Петрович, неужели правда, что вас, окончившего консерваторию дважды (как пианист и как композитор), когда-то

отказались принимать в музыкальную школу из-за отсутствия способностей?

— Была такая история. Когда в Шклове, тогда маленьком городке, где жила наша семья, открыли музыкальную школу, это стало настоящим событием, и все потащили туда своих детей. Потащили и меня. Особого желания учиться музыке у меня, 10-летнего пацана, конечно, не было. Но пришлось идти. Во-первых, отцом уже был куплен баян. Во-вторых, мама об отказе и слушать не хотела. Короче, пошел, чтобы не огорчать родителей. Но в музыкальной школе меня признали негодным. Сказали: никаких данных. Отец тогда взял тот баян и понес в школу отдавать: зачем инструмент, если сын бездарный? Тут-то меня решили проверить еще раз — и обнаружили абсолютный музыкальный слух и ритм. Помню свой первый диктант на уроке сольфеджио — это когда играют мелодию и ее нужно точно записать нотами. Я справился с заданием первым и быстро, лишь один раз прослушав. Учитель отказывался в это поверить. Я действительно слышу в музыке абсолютно все и могу сочинять музыку любой сложности, не подходя к роялю и не проверяя, как что звучит.

А по классу баяна позже я учился в музучилище в Могилеве. Потом увлекся фортепиано и даже попытался поменять специальность, из-за чего и пришлось сбежать с третьего курса. В те времена баян был главный инструмент, мои педагоги ревниво отнеслись к «измене», сказали: «Беги-ка ты, друг, отсюда, забирай документы, пока не выгнали».

— *Побежали вы — ни много ни мало — в столицу...*

— Причем с намерением поступать в политехнический институт. Кстати, вечернюю среднюю школу закончил экстерном, с серебряной медалью. Но до политеха дело не дошло. Я вспомнил, что как-то в училище мою игру на фортепиано похвалила приезжав-

шая из Минска Ирина Александровна Цветаева — заведующая кафедрой фортепиано Белгосконсерватории. Решил я ее найти и нашел. Она тут же забрала меня в свой класс в 11-летку при консерватории. А поскольку среднее образование у меня к тому времени уже было, учеба там для меня стала просто курортом. Я занимался только музыкой.

— *И баян ушел из вашей жизни навсегда?*

— В общем-то да, хотя сыграть и сейчас смогу. Но тогда меня интересовал только рояль, ведь на баяне не играли джаз.

— *Ходят легенды о том, как виртуозно вы, уже студентом консерватории, исполняли джаз и срывали аплодисменты даже у профессоров...*

— Эту музыку тогда не приветствовали, но профессора консерватории на самом деле прекрасно понимали джаз. Кто-нибудь из педагогов среднего звена мог, конечно, зайти в класс и обругать: мол, разве можно так играть, только позорите рояль и портите клавиатуру. А джаз мы играли дуэтом с моим однокурсником Игорем Паливодой. Это самый лучший музыкант, которого я встречал в своей жизни, высочайшего класса. Мы играли на двух роялях и делали это блестяще. Импровизировали, умудрялись в одно произведение запутать под сотню других мелодий: и мировую классику, и джаз, и все что угодно. Лихо играли, с юмором! Как-то нас пригласили выступить перед участниками международной конференции музыковедов. Присутствовавшие были в восторге!

— *С не меньшим успехом вы играли и в ресторанах...*

— Девять лет отработал за время учебы в Минске, плюс еще программы готовил, аранжировки делал, музыку записывал. И, надо сказать, был богатым студентом. А одно время даже жил в «Каменном цветке». В то время это был крутой ресторан, ночной, работал до 4 утра.

— Консерваторской учебе это не слишком мешало?

— Если по правде, нам с Игорем Паливодой прощалось многое. Ведь мы, бывало, и шалили, и лекции пропускали, могли споконненько посиживать в скверике напротив консерватории, когда другие студенты историю КПСС конспектировали. Но даже самый строгий ректор Владимир Владимирович Оловников все прощал нам за виртуозную игру. Вообще, что касается специальности, то я всегда учился хорошо. На госэкзамене исполнял сложнейшую программу и наиграл на пять с плюсом. Правда, одни считали — очень хорошо, другие — безобразно. Дело в том, что из-за пристрастия к джазу у меня выработалась своеобразная жестковатая манера исполнения. Я не любил размазную и считал рояль ударным инструментом в противовес тем, кто уверял, что он певучий. Какая певучесть, если там молоточки по струне бьют?! Словом, мнения были разные, но меня все же хвалили.

— Возможно, могли бы стать великим пианистом?

— Не знаю как пианистом-солистом, а замечательный дуэт у нас мог бы быть определенно. Но... Куда мы ни предлагали себя, нас не приняли. На телевидение отправили записи — ни ответа ни привета. В общем, не судьба.

— Зато сложилось с «Верасами» — ансамблем, который после яркого выступления на V Всесоюзном конкурсе артистов эстрады вы возглавили в 1974 году и который гремел на весь СССР.

— Успех молодого коллектива, действительно, был всесоюзный. К примеру, 16 концертов в Минске во Дворце спорта, а я не мог достать билетов. Или приезжаем в Новокузнецк — 23 концерта, билетов нет. Пластинки «Верасов» расходились мгновенно, договаривались в магазине, чтобы хоть нам оставили. Как-то в Юрмале работали в одном концерте с Пугачевой и Райкиным, так

на бис публика требовала «Верасов». Нас тогда любили больше всех. Кроме того, мы были высокооплачиваемыми артистами. За месяц купить машину — без проблем. Мои партийные взносы составляли тогда где-то 130 рублей, по тем зарплатам деньги приличные. Но мы и работали. Фонограмм тогда не было — только живое исполнение.

— С высоты дня сегодняшнего — в чем был секрет успеха? Ведь поначалу-то немногие в него верили, называли «Верасов» бледной копией «Песняров», которая долго не протянет...

— Да уж, достаточно людей, говоря обо мне, крутили пальцем у виска, мол, Раинчик в сиянии славы «Песняров» и «Самоцветов» хочет сделать свой коллектив, а его участники и петь-то не умеют. Хотя, по правде, вокалистов в «Верасах», действительно, в ту пору не было. Певицей можно было назвать разве что Надю Микулич. Остальные — музыканты, что бы кто из них ни говорил. Но всегда была красивая музыка, качественные стихи, искреннее исполнение, интеллигентность, европейская культура. Я помню, выступали в «Олимпийском» в Москве, вроде Дни культуры какие-то были. Разумеется, аншлаг. На концерте, помимо руководства БССР, присутствовал министр культуры СССР Петр Нилович Демичев. Он-то и сказал о нас после выступления: европейский коллектив. Меня тут же нашли за кулисами, повели с министром знакомить. Он спрашивает: какие просьбы, что нужно? А у меня простой ответ. Говорю: деньги на инструменты. И нам давали. Много. И наша республика, и Москва — на оборудование, на аппаратуру. Мы тогда имели возможность покупать лучшие в мире инструменты. Денег из Москвы давали столько, что наши однажды даже не взяли 70 с чем-то тысяч долларов! Не буду называть фамилий, но тогдашний министр культуры БССР сказал: мол, у нас в новых инструментах все нуждаются, а покупают раз за разом только «Верасы». Но на других

Москва добро не дала, и наши деньги отправили назад.

— Признанием «Верасов» стала и серия совместных гастролой с Дином Ридом по Байкало-Амурской магистрали.

— В конце 1970-х это было сенсацией — сопровождать выступления американца, петь на английском, играть рок-н-ролл! С Дином Ридом мы познакомились и обменялись телефонами в Болгарии, участвуя в фестивале «Алый мак». Он был там в качестве почетного гостя и восторженно отозвался о выступлении «Верасов». Потом как-то в Германии гуляли мы по Берлину с Сашей Тихановичем, вспомнили, что есть телефон Дина Рида, и решили позвонить. Он пригласил к себе. Там мы и узнали, что он задумал выступить перед строителями БАМа, что ему понадобится музыкальное сопровождение. Тогда мы увезли с собой записи его программы. Выучили ее всего за пару месяцев. Когда Дин Рид приехал в Москву, нам было достаточно одной совместной репетиции, и мы отправились на гастролы. Дин Рид остался ими очень доволен.

— В репертуаре «Верасов» всегда было много хитов: «Я у бабушки живу», «Завіруха», «Карнавал», «Белый парус», «Караван», «Музыка для всех», «Любви прощальный бал»... И, разумеется, «Малиновка», без которой не обходился ни один концерт. Говорят, петь ее артистов вы просто заставили.

— Я — Овен по гороскопу, люблю, чтобы было только по-моему, и всегда поступаю так, как считаю нужным. Но при этом интуиция меня никогда не подводит. Бывает, мне говорят: мол, на этот раз ты не прав. А оказывается наоборот. Так и с «Малиновкой». В ансамбле ее исполнять не хотели и меня за нее стыдили: мол, неужели мы будем опускаться до таких убогих песенок? Но я интуитивно чувствовал — пойдет и настоял: петь будем. Кстати, совершенно случайно в «Малиновке» появился свист. Как раз тогда мы осваивали

новый синтезатор, крутили-вертели, настраивали — и вдруг он свистнул. Я решил использовать этот звук во вступлении песни. Потом уже придумали свистульку, дули в нее. Но свистела не она, а синтезатор. «Малиновка» произвела взрыв, подобный атомному, ее знали все, она гремела из каждого утюга. Как-то был концерт новых «Верасов», выступали во Дворце Республики, и в зале сидел Эдуард Ханок. После выступления я пригласил его познакомиться со своими молодыми солистами. Говорю: «Ребята, это композитор, который написал “Малиновку”». И знаете, что сказал Ханок? «“Малиновку” создал не я, а Раинчик». Вот так и сказал.

— Сегодня вам пишется?

— Кое-что пишется. Но сдерживает многое, отвлекаться часто приходится, работать с молодыми артистами, а эмоции ограничены. Чтобы писать музыку, нужна свободная голова. Чтобы, никуда не торопясь, попить утром кофе, спокойно подумать, что-то такое уловить, воодушевиться и сесть к роялю.

Вообще-то, есть у меня другая заветная идея. По давнишней «верасовской» традиции, когда у нас было все самое лучшее, мирового класса, хочу попытаться создать высокого уровня студию звукозаписи, ведь опыт у меня в этом деле огромный. Может, получится. Поживем — увидим.

Ирина Свирко
(«Рэспубліка». 2010. 6 сак.)

«АРТИСТЫ, КАК НЕВЕСТЫ, ЛУЧШЕ НЕОПЫТНЫЕ...»

Хоть в последние годы «Верасов» как ансамбля не существовало, бренд легендарного белорусского коллектива продолжал жить — столь велики были прежняя слава и любовь к его песням зрителей. «Малиновку», «Белый парус», «Завіруху», «Я у бабушки

живу», «Любви прощальный бал», «Карнавал», «Музыку для всех» узнавали и подпевали в любом уголке тогдашнего СССР. В одной программе с ВИА «Верасы» отказывались работать знаменитые артисты. Потому что «Верасов» лучше принимала публика. Их пластинки мгновенно раскупались, их концерты собирали аншлаги во Дворцах спорта, а из всех ансамблей Союза только «Верасов» выбрал для совместных гастролей знаменитый американский певец Дин Рид... Те «золотые» для коллектива годы его бессменный руководитель народный артист Беларуси Василий Раинчик вспоминает с гордостью:

— Первые музыкальные компьютеры, лучшие синтезаторы сначала появлялись в «Верасах», потом — у Магомаева, Пугачевой. Например, мы уже всю использовали компьютерные звуки, и только через 4 года подобное появилось в группе «Форум». Одну из первых песен «Верасов» — танго «Если любишь, скажи» из репертуара Утесова — мне пришлось в голову сделать в стиле прошлых лет. Приехали в Москву, показали это танго как одно из наших наиболее удачных произведений. Мне тут же вопрос задали: «У вас до сих пор еще так играют?» Я говорю: «Нет, у нас уже так играют». И только через три года появилось понятие «ретро», и многие музыканты начали работать в этом стиле.

Таких «впервые» в истории коллектива было немало. Даже распался он тоже первым. Уже потом — многие другие известные ВИА. Правда, в отличие от них попытки «Верасов» спустя время снова собрать свой звездный состав успехом не увенчались. Как теперь считает Василий Раинчик, к счастью. И то, что прежние «Верасы» останутся в памяти поклонников молодыми, самыми модными, красивыми и стильными, — это только к лучшему.

— В современном мире эстрады артисты, как и невесты, лучше неопытные. На сцене приятнее видеть и слушать молодых. У них все лучше, — говорит Василий Петрович.

Исходя из этого, он и возродил коллектив — собрал под знаменитый бренд совершенно новых участников ансамбля. Пока это квартет из четырех молодых исполнителей, но со временем к ним присоединятся и музыканты-инструменталисты. Тоже молодые.

Итак, новые «Верасы» — это 17-летняя школьница Марта Голубева, 18-летняя студентка отделения эстрадного вокала Института современных знаний Ольга Сансевич, 22-летний продавец столичного ГУМа Алексей Жос и 20-летний студент геофака БГУ Александр Завгородний.

Будущих артистов специально не искали и кастингов не объявляли. По словам Василия Раинчика, сначала ему позвонила незнакомая женщина и попросила прослушать дочь. Так, в поле зрения руководителя Государственного молодежного театра эстрады появилась Ольга. Затем пришла Марта, с которой они раньше вместе занимались в вокальной студии. Лешу присмотрела на конкурсе самодеятельности артистка театра Ольга Вронская, а Саше как-то приходилось уже в нем работать. Словом, все оказались в нужное время в нужном месте. И все, как утверждает Василий Раинчик, поющие и очень музыкальные. Кроме того, коллектив с равным количеством мужских и женских голосов, во-первых,

единственный на профессиональной эстраде нашей страны, а во-вторых, самый оптимальный, потому что создает комфортное звучание, когда артисту петь удобно, а зрителю и слушать приятно, и подпевать легко.

Новые «Верасы» перепоют почти сотню шлягеров своих легендарных предшественников. Но реанимировать прошлое никто не собирается.

— В силу своего возраста ребята не знают и не видели тех «Верасов». Поэтому для них это просто хорошие новые песни, которые они исполняют по-своему. И мне это нравится. Кроме того, в репертуаре будут и новые, самые модные композиции для молодежи. Уверен, ребята будут популярны, — говорит Василий Раинчик.

Кстати, о популярности. По словам Василия Раинчика, после выхода на телеэкран первого клипа новых «Верасов» «Миражи» (так многие называли песню «Караван»), люди, встречая композитора на улице, подходят и благодарят за возвращение в жизнь любимой песни.

Между тем, в Государственном молодежном театре эстрады есть еще один замечательный музыкальный проект. Сцену все увереннее осваивает новый состав «Верасят» — лауреаты и участники разных детских музыкальных конкурсов Александра Соловейчик, Варя Панина, Полина Жданович, Оля Сацюк, Василий Раинчик-младший и Алексей Жигалкович.

— Это уникально, что у нас есть такой театр, который помогает стать настоящими артистами начинающим, где тот, кто самый молодой, новичок, тот и самый главный, ему в театре основное внимание и забота. А бренд «Верасы» — это тот авианосец, благодаря которому взлетит еще не один артист, — уверен Василий Раинчик.

Ирина Свирко

(«Рэспубліка». 2007. 29 чэрв.)

«МАЛИНОВКА»

ЖИВЕТ 100 ЛЕТ

Культовый белорусский ВИА «Верасы», созданный в далеком 1971 году, и сегодня помнят по хитам «Малиновка», «Завіруха», «Карнавал», «Я у бабушки живу»... Золотой состав коллектива распался. Но песни «Верасов» в исполнении красивых молодых артистов звучат до сих пор. И все же для многих современных артистов уровень прежних «Верасов», увы, недостижим. Бессменный руководитель ансамбля Василий Раинчик возглавляет сейчас Молодежный театр эстрады, помогает новичкам осваиваться в бурных реках шоу-бизнеса.

— *Василий Петрович, почему в конце 90-х старый состав «Верасов» практически ушел со сцены?*

— На мой взгляд, на эстраде должны выступать только молодые. Артисты пожилые, работающие рядом с молодежью, производят на меня несколько удручающее впечатление. Вы знаете, в эстрадной песне главное не слова, не музыка и даже не исполнитель, а публика: если она приняла и полюбила песню — все, можно считать, что хит состоялся. Сегодня в составе «Верасов» работают молодые артисты, которые подхватили наш «золотой» репертуар 80-х, переняли исполнительскую культуру, унаследовали традиции — и это прекрасно.

— *Их гастроли не сравнить с вашими: очень редко выступают в Москве, и впечатления от поездок, наверное, не такие яркие, какими они были у вас в эпоху СССР. Какие турне «Верасов» вспоминаете чаще всего?*

— В конце 80-х мы сотрудничали с американским певцом Дином Ридом. Вместе проехали с концертами Забайкалье и Байкало-Амурскую магистраль. Это был незабываемый тур.

— *А где познакомились?*

— На каком-то фестивале в Болгарии. Обменялись телефонами. Позже нас занесло с концертом в Берлин. После выступления мы прогуливались с Александром Тихановичем у Бранденбургских ворот и вспомнили, что где-то в окрестностях Берлина живет Дин Рид. Позвонили, взяли такси и поехали в гости к нему в усадьбу. Там в его студии попили, поиграли, составили программу для совместных выступлений и решили отправиться в турне по СССР. Позже встретились в Москве, и на первой же репетиции у нас все получилось.

— *Какая все-таки яркая и разнообразная гастрольная палитра была у советских артистов!*

— Тогда все было другое, включая энтузиазм и менталитет. Мы ведь всегда на концерты возили за собой тонны аппаратуры. Когда ехали на БАМ на встречу с Дином Ридом, в поезде не оказалось товарного вагона. И тогда начальник поезда объявил по радио на весь вокзал: «Товарищи, с нами едет ансамбль «Верасы», а багажного вагона нет. Им надо выступать перед строителями БАМа вместе с Дином Ридом. Пожалуйста, разберите их аппаратуру по своим купе». На перрон выбежали пассажиры, буквально весь поезд. Люди расхватывали наши инструменты по вагонам и точно так же, по прибытии на Дальний Восток, сами все выгрузили. И ничего, ни одна барабанная палочка не пропала. Разве можно сейчас такое представить? А тогда товарищество и дружба были превыше всего.

— *Но только не между артистами. Часто ведь спорили, какой из коллективов в сборном концерте главнее? Кто должен закрывать концерт?*

Помню, в Юрмале мы выступали в одном концерте с Аркадием Райкиным и Аллой Пугачевой. Но публика на бис вызывала «Верасов», а не Аллу Борисовну. И Пугачева очень нервничала по этому поводу, переставляла

свой выход на сцену из начала концертной программы в конец, и наоборот... Но нам, если честно, всегда было все равно, когда выступать. Коллектив имел всесоюзный успех. А наши пластинки можно было купить только по знакомству: их разбирали за один день.

— *Как-то услышала историю, как в десятилетнем возрасте после того, как вас задела шаровая молния, вы едва не погибли. С тех пор склоняюсь к мысли, что бесследно та встреча с «шариком» не прошла: у вас абсолютный слух, нечеловечески мало спите, много музыки сочиняете... Мистика!*

— Может, не без того. И все же не забывайте: десять лет я обучался в консерватории на дневном отделении у профессионалов высочайшего класса. Как композитор-симфонист, я до сих пор беру партитуру любой сложности и легко «читаю» ее. Понятно, что сегодня подобные навыки на эстраде ни к чему. Но кто-то же должен знать нотную грамоту!..

— *Вы когда-нибудь жалели о том, что большую часть времени отдавали музыкальному воспитанию чужих детей?*

— Конечно, об этом все артисты сожалеют, а все равно — сумку через плечо и на гастроли.

— *Какая у вас семья?*

— Жена — Ирина Цветкова, музыкант. У нее, как и у меня, два консерваторских образования. С 1982 года она пела в «Верасах» и играла на синтезаторе, сейчас ведет архив нашего коллектива. Сын Сергей — музыкант, а внук Васька пока не определился, кем хочет стать. Окончил музыкальную школу по классу гитары, занимается спортом: было плавание, теперь — футбол на первом месте. Пускай ищет себя, мы не вмешиваемся.

— *Василий Петрович, помню, вы всегда были ярким противником огорода на даче. Что-нибудь изменилось?*

— У нас на участке по-прежнему растут только фруктовые деревья и кусты, и до

недавнего времени ягоды подчистую склевывали птицы. Пока моей супруге Ирине не пришла мудрая мысль — поставить в огороде пугало в тельняшке. И вы знаете, работает! Теперь вся черешня — наша.

Виктория Попова
(«СБ. Беларусь сегодня». 2011. 28 июля)

«“ВЕРАСЫ” НАЗЫВАЛИ КОЛЛЕКТИВОМ ЕВРОПЕЙСКОГО УРОВНЯ!»

Народный артист Беларуси, художественный руководитель знаменитого ансамбля Василий Раинчик вспоминает о его славном прошлом и не сомневается в счастливом будущем отечественной эстрады.

— Василий Петрович, верно ли, что в «Верасах» вы появились не с момента основания ансамбля?

— Действительно, «Верасы» были образованы в 1971 году, а я пришел в коллектив в 1973-м. Вскоре мы стали лауреатами первого республиканского конкурса артистов эстрады, еще через полгода победили на V Всесоюзном конкурсе в Москве.

— Однако пик популярности «Верасов» приходится на первую половину 80-х...

— В те годы мы были востребованы ничуть не меньше, чем Пугачева, Леонтьев или Аркадий Райкин, с которыми не раз выступали в одной программе. К примеру, даем 16 концертов кряду в Минске — билетов не достать. Та же картина в Новокузнецке, где с аншлагами прошли 23 концерта во Дворце спорта. Запомнилось также, как наш сольный концерт в Москве во Дворце спорта «Динамо» снимало и транслировало Центральное телевидение. Не в записи — это был прямой эфир.

— Всесоюзную славу вам принесла «Малиновка» Эдуарда Ханка...

— Да, после нашего выступления в 1980 году на «Песне года» она зазвучала повсюду. Под нее даже солдаты в армии маршировали. Кстати, к этой песне я сочинил вступление и придумал свистульку, и именно в такой аранжировке решил подать — она вылетела в свет. Так что с Ханка нужно еще причитающееся мне спросить. (Смеется.)

— Поистине золотым шлягером стала и другая песня Ханка — «Завіруха»...

— Когда Эдуард Семенович предложил нам «Завіруху», сказал ему: «А ведь она тоже будет подавлять другие наши песни, такие, как «Малиновка». Тогда Ханок схитрил: «Пусть ее разок поставят на радио, и все». Ладно, мы ее быстренько записали. Смотрю — и «Завіруха» везде звучит. Встречаю Ханка, спрашиваю: «Ты почему меня обманул?» Он: «Я же пошутил». Понятное дело, мы не обиделись, ведь песня людям запомнилась. Что особенно ценно, она была на белорусском языке, а пел ее весь Советский Союз, вся огромная страна.

— Интенсивной ли была гастрольная деятельность?

— В разъездах мы находились подолгу, в том числе и за границей. Конечно же, в основном в социалистических странах, однако выступали и во Франции, в Финляндии. Везде успех! Бывало, в день давали по 5 концертов. Пели только вживую, ведь тогда понятия «фонограмма» не существовало. Да, было непросто, но мы приспособились к такому ритму.

— Чем «Верасы» располагали к себе зрителей?

— У нас было много красивой музыки и всегда хорошие стихи — сейчас таких практически нет. В придачу к этому — очень интеллигентная манера исполнения и многоголосье — не выдуманное, а естественное. Помню, министр культуры СССР Демичев,

послушав «Верасы», дал лестную оценку: «Коллектив европейского уровня!»

— Советская партийная элита любила творчество ансамбля?

— В первую очередь нас очень любили зрители, но ценило и поддерживало руководство республики. И в Москве мы были на хорошем счету. К примеру, нам выделяли большие деньги на приобретение хорошей аппаратуры.

— Василий Петрович, почему же «Верасы», как и многие другие знаковые исполнители 80-х, не сумели удержаться на вершине популярности?

— Знаете, когда в государстве начинается перестройка, она затрагивает все сферы жизни общества. Культуру — в том числе. Появляются новые средства и возможности для самореализации. Определяющую (большую) роль начинает играть денежный фактор — участие в телепрограмме или в концерте уже можно было купить. Активно стали ис-

пользовать фонограммы, заметно улучшилось музыкальное оборудование. Конечно, куда проще включить записанную музыку и прыгать под нее. Или вообще под полную «фанеру». К тому же на сцене стало позволительно делать ранее запрещенные вещи. Например, раздеться — лишь бы смотрели! На сцену пришли более ловкие и продвинутые, признанные авторитеты советской эстрады отошли в тень. Вот и наш ансамбль перестал существовать в 1996 году — появились артисты, склонные к сольной карьере: Дорофеева, Лика, Алешко. Но сейчас, слава богу, наметилась тенденция возврата к хорошей музыке. Тот же Хворостовский поет эстрадные песни в сопровождении Большого оркестра — это очень красиво!

— Вы благодарны судьбе за «Верасов»?

— Конечно, хотя следует признать, что всю жизнь занимался не своим делом. По профессии я композитор-симфонист, но еще в годы моей молодости эстрада стала

заполнять собой все. Я не продюсер, но был им, когда руководил «Верасами». Песни писал от случая к случаю. Одно время очень жалел, что столько времени ушло, а я, как композитор, не занимался музыкой серьезно. Впрочем, с высоты прожитых лет вижу, насколько в те годы у нас был хороший ансамбль. В 2007-м состоялось возрождение «Верасов», те песни сейчас исполняют молодые ребята из нового состава. Доволен, что им это нравится, да и публика их очень хорошо принимает.

— *Кстати, каким произведением из репертуара «Верасов» вы особенно гордитесь?*

— Назову песню, которую знают, наверное, все — «Калыханку». Когда-то Эдуард Ханок заметил, что композитор, создавший «Калыханку», может вообще больше ничего не писать — он свое дело уже сделал. (*Смеется.*) «Доўгі дзень, цёплы дзень...» — с этими словами «Верасы» ежевечерне гостят в каждом белорусском доме. Мне очень приятно, что отзывы о «Калыханке» исключительно восторженные, и не только у нас, но и за рубежом.

— *Как бы вы оценили современную белорусскую эстраду?*

— Не так давно сидели с Александром Тихановичем в жюри на взрослом «Евровидении» и сошлись во мнении: идет новое поколение. Молодое, очень образованное, продвинутое в сфере современной эстрадной культуры, с хорошим чутьем. Раньше у нас все-таки был этакий налет провинциальности. Да и ментально белорусы — народ более спокойный по сравнению с теми же россиянами. Думаю, что в ближайшее время ситуация на нашей эстрадной сцене изменится; повторюсь, идет новое, очень талантливое поколение.

— *Но российскому и украинскому шоу-бизнесу мы все равно уступаем...*

— Время покажет. Когда-то именно Беларусь была самой поющей республикой в

СССР. «Песняры», «Верасы» и «Сябры» по праву входили в число лучших ВИА страны. Безусловно, в России сейчас куда больше возможностей для развития шоу-бизнеса. Не секрет, что лучшие исполнители со всего бывшего Союза стекаются в Россию. Там и критерии отбора, и конкуренция очень высоки. Но я уверен: мы не уступим.

— *В течении времени вы были председателем жюри республиканского детского конкурса «Песня для Евровидения»...*

— В детском «Евровидении» мы добились немалых успехов. Можно сказать, наши дети — впереди планеты всей! По количеству призовых и просто высоких мест Беларусь догонят нескоро. За 10 лет мы семь раз входили в первую шестерку, причем дважды побеждали. А во взрослом конкурсе выше шестого места подняться пока не удалось. К слову, шестую позицию мы считали чуть ли не провалом...

— *Если бы вам предложили заняться подготовкой артистов ко взрослому «Евровидению», согласились бы?*

— Нет.

— *Почему?*

— Пусть этим занимаются люди помоложе. А я буду сочинять музыку и готовить новых молодых артистов.

— *Что еще собираетесь осуществить в ближайшем будущем?*

— В следующем году хотел бы отметить 40-летие своего союза с «Верасами». Планируем подготовить концертную программу с участием тех, кто работал в ансамбле. Хочу помочь и новым «Верасам», чтобы ребята добились такого же признания, как и мы когда-то. Верю, что так и будет, если у старого состава они возьмут самое ценное — профессионализм, музыкальность и, конечно же, любовь к зрителю.

Александр Ничипор
(«Вечерний Минск». 2007. март)